ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

1982

МУРЗИЛКА

6

Выполняя просьбу октябрят из Подмосковья, журнал «Мурзилка» печатает их открытое письмо.

ПРЕЗИДЕНТУ США,
ГОСПОДИНУ РЕЙГАНУ

Господин президент!
Мы, советские девочки и мальчики, обращаемся к Вам с посланием через журнал «Мурзилка» и заявляем свой протест против войны.
Вы говорите всему миру, что советский народ готовится к войне. Это ложь! Наши мамы и папы, дедушки и бабушки — все борются за мир.
Мы знаем, что за это выступают большинство граждан Америки, и просим — не обманывайте людей!
Народы помнят, что наша страна отстояла мир в Великой Отечественной войне. Миллионы людей погибли, чтобы защитить мир.
А Вы выпускаете ракеты, нейтронные бомбы и другое опасное оружие. Это очень нехорошо с Вашей стороны. Вы губите мир!
Мы не хотим, чтобы умирали дети в Сальвадоре и ни в каком другом уголке Земли.
Просим отменить Вашу самую плохую в мире политику!
Призываем всех детей мира вместе сказать: «Нет — войне!»
Мы поддерживаем своё Советское правительство за всё то, что оно делает во имя мира.

Мы просим Вас, господин Рейган, пойти навстречу предложениям нашего руководителя партии и государства Леонида Ильича Брежнева. Мы требуем прекратить гонку вооружений. Нам нужен мир!

Ученики 3-го «Б» класса Икшинской средней школы Московской области — Вася Чернышов, Наташа Цукрова, Ирина Кирьяшкина, Алексей Детковский, Вера Нестеренко, Андрей Исаев, Оля Курашова, Лена Молоканова, Света Гущина, Александр Молостов, Лена Васяева, Оксана Конакова

Дорогой читатель! Когда ты увидишь на страницах «Мурзилки» вот такой листик, знай, что это неспроста.
Недавно редакция нашего журнала вместе с редакцией «Весёлых картинок» пригласили к себе в гости молодых писателей и художников из разных республик и областей страны.

Пять дней шёл разговор, который вели с молодыми известные мастера.
Сегодня мы печатаем стихи участников нашего Всесоюзного совещания.
Мы и дальше будем печатать рассказы, стихи, рисунки участников этого творческого разговора.
Доброго пути, больших успехов всем им!

ЛЕСНАЯ ТРОПИНКА

Алексей ШЕВЧЕНКО

Скажи, тропинка:
Ты меня узнала?
Я прошлым летом
Здесь же пробегал.
Я видел место,
Где берёшь начало,
А где конец твой,
Так и не узнал.
Я добежал тогда
До поворота
И заробел:
Был вечер, темнота.
Казалось, за кустами
Дышит кто-то,
Пугали
Незнакомые места.
Куда же ты меня
Сегодня манишь,
Зачем за поворот
Меня зовёшь?
Но я бегу,
Я знаю — не обманешь,
Ты добрая:
Меня не подведёшь!
Покажешь родники,
Грибные чащи.
И, уходя
Всё дальше от крыльца,
Мечтаю здесь бывать
Как можно чаще!
И очень рад,
Что нет тебе конца!

РОДНИК

Владимир СТЕПАНОВ

Лесной родник
К земле приник.
Он неширок,
Он невелик,
Но чист,
Как ранней птахи песня.
Ты припади к нему на миг
И песни той
Напейся.

Водой умойся ключевой.
Водой из родника,
Простой, как лес,
Родной, как дом,
Живой, как облака...

МОСТ

Владимир НЕСТЕРЕНКО

Лёгкий,
Гибкий,
Навесной —
Мост над бурною
Рекой.
Левый
С правым
Бережком
Застегнул,
Как ремешком.

ОБЛАКА

Геннадий ГЛУШНЁВ

С белоснежными крылами
Облака стоят над нами.
Задержались неспроста —
Им понравились места:
Золотой простор пшеницы,
Пруд зелёно-голубой,
Наше солнце,
Наши птицы —
Всё,
Что любим мы с тобой.

ЗЕМЛЯНИЧКА

Людмила ФАДЕЕВА

Земляничка
Возле пня
Всем сказала:
— Нет меня! —
Оглянулась
И потом
Притаилась под листом.
Солнца луч её нашёл,
Закричал:
— Нехорошо!
Обманула!
Ай-ай-ай!
Земляничка,
Вылезай! —
Покраснела ягода
И сказала:
— Ябеда...

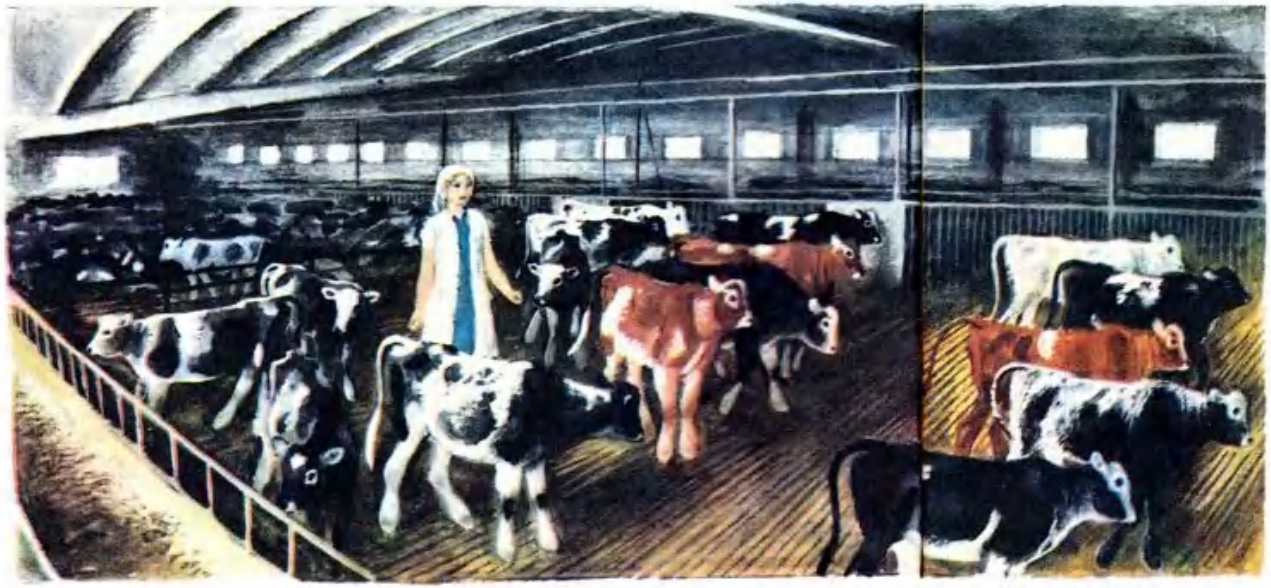
Рис. Е. МОНИНА

СЕЛЬСКИЕ ДОРОЖКИ

Сельский люд в нашем пермском нечернозёмном краю издавна обстраивался на местах светлых, высоких. Деревня Усть-Журавли стоит тоже на высоком месте.
Выбегают из этой деревни, вьются на все стороны весёлые дорожки да ясные тропинки. Та ныряет под яр к синей речке, другая уходит к берёзовой роще, третья широко и гладко накатана в поле... Их так много, что про каждую-то мне и не рассказать! А расскажу я лучше про тех, кто в деревне живёт, рано встаёт, спешит по утрам на сельскую свою работу, отчего и дорожки да тропинки здешние не зарастают никогда.

Лев КУЗЬМИН

ОКТЯБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТЯБРЯ!



ВАНЯ

Первым в путь пускается пастух Ваня.

У Вани есть хороший конь под кавалерийским седлом.

Деревенские лужайки от росы ещё сизые, а Ваня уже в седле и едет за околицу к ферме.

Там громкие голоса доярок. Там звон и стук цинковых фляг. По всему подворью тёплый запах парного молока: утренняя дойка заканчивается.

И вот ворота настежь. Ваня привстаёт в стременах, и мимо Вани с басовитым мычанием, с торопливым щёлканьем копыт выкатывается со двора под солнце пёстрое стадо. Ваня гонит его меж дымящихся белым паром овсяных полей и заворачивает в раздольный лог к тенистым перелескам.

Там Ваня за коровами не просто глядит, он коров угощает. Найдёт за тёмными елями такую чистую поляну, где не одних только ромашек полно, а и сладкий клевер-дятельник лиловые шапки бодро под ветерком топорщит, и вперемежку с кисленьким щавелем качаются колосистый мятлик да пушистая тимофеевка, и теснит своим конём туда всё стадо.

Коровы, конечно, вкусную траву так и хватают, так и хватают, благодарно оглядываются на Ваню: «Ух-х! Не поляна, а скатерть-самобранка!»

Ваня смеётся:

— Ешьте, не отвлекайтесь! Работайте!

Наразыскивает он таких самобранок за долгий день не одну. А когда стадо направит домой, то накормленные до отвала коровы уже и не бегут и даже не шагают. Они словно плывут по узкой стёжке-дорожке к ферме, степенно покачивают боками, довольно отпыхиваются: «Пых-х... Пых-х... Пых-х...»

Доярки встречают стадо, говорят Ване:

— Ну, Ваня! Постарался опять. Сегодня, наверное, и фляг под молоко не хватит... Ты прямо какой-то чудесник, хотя и совсем ещё молодой.

А Ваня с коня глядит устало, отвечает серьёзно:

— Нет, чудеса тут ни при чём. А всего-навсего пасу я коров как полагается, с толком. Знаю: сыта коровка — полон и подойничек.

ТАНИНЫ УШАСТИКИ

Поутру Ваня отъезжает вслед за стадом к перелескам, а жена его Таня закроет в доме истопленную печь, запрёт крыльцо и, подхватив туфли в руки, мчится босиком по холодку вдоль берега речки.

Если кто крикнет вслед: «Ты куда это летишь?» — Таня, не убавляя ходу, тут же и ответит: «К своим ушастикам!»

А близ соснового бора у речки летний лагерь для колхозных телят. Их там полно. Завидев Таню, они жмутся к изгороди, тянутся влажными мордами Тане навстречу. «Что, мол, так долго-то? Взрослые коровы

давно мимо прошли, давно на полянах пасутся, значит, и нам завтракать пора!»

И Таня ждать, терпеть их больше не заставляет. Она разгораживает загон, выпускает телят на поскотину, на зелёную траву. А чтобы наедались лучше да росли скорей, рассыпает по траве ещё и сочную клеверную подкормку.

Рассыпает длинной дорожкой, одинаково для всех. Но телята малы, глупы. Им кажется, что самое-то вкусное всё ещё у Тани в охапке. И они так, вереницей, за ней и шествуют.

А ещё телята очень надеются, что Таня дело своё закончит и обязательно кого-нибудь из них приголубит. И вот так вот оно и выходит вскоре. Таня кладёт одной из лобастеньких, в белых чулках тёлочке на шёлковый загривок свою ладонь, гладит разок, гладит другой, спрашивает:

— Хорошо?

Тёлочка, разумеется, молчит, но от удовольствия жмурится. Она растопыривает уши то так, то эдак, словно два солнечных широких лопушка...

Настоящий ушастик! Рыжий, смешной, ласковый.

Рис. Н. УСТИНОВА

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Пересказал с молдавского
Юрий КОВАЛЬ

Продолжение

ГИОЧИКА

А утром вдруг залаял на дворе старый пёс Фараон. Вставай, мол, хозяин,— гости.

На скамейке для гостей под окном дедушки Далбу сидела девочка. Чубо никогда не видел такой маленькой. Глаза синие, с пшеничные зёрнышки. Белая шапочка, зелёное платье, а на ногах нет ничего — босая!

— Тебя что, мама из дома выгнала?

— Ника мама *,— покачала девочка головой.— У меня нет мамы.

Только теперь Чубо узнал шапочку и платье — ведь это их связала бабушка Далба. Так вот кого она ждала! Да жалко, не успела чулки связать.

Чубо принёс мамину туфлю. Девочка залезла в неё и сидела в ней, как в большой лодке, только голова торчала.

— Мио, ник, на, пи, ри. Вот теперь мне не холодно.

— А что ты здесь делаешь?

— Пришла в гости к твоим снежным мальчуганам. Но, видно, опоздала. Можно мне жить в их доме?

— Так ведь он без крыши,— сказал Чубо.— Живи у нас. А мы, если что, в сарай переселимся.

— Мио. Спасибо! Но под крышей я жить не могу. А ветер как войдёт в мой дом? А солнце? А звёзды? А Луна?

— Ладно, так и быть,— сказал Чубо.— Живи тут. А как тебя звать?

— Гио, чио, ика.

— А, Гиочика! * — Чубо улыбнулся.— Хочешь, отдам тебе мою башню? Живи там, наверху.

— Ник, тура, ули,— покачала головой девочка.— У меня есть дела на земле.

И Гиочика легла спать на улице в шляпе дедушки Далбу. А Чубо дал ей подушечку и варежкой накрыл.

В эту ночь Чубо спал неважно. А вдруг кто-нибудь придёт и заберёт шляпу вместе с Гиочикой? И ему слышались шаги во дворе. Чубо то и дело

* Девочка говорит на подснежном языке. Здесь и далее перевёл с подснежного Ю. Коваль.

* «Подснежник» по-молдавски — «гиочел». Вот откуда имя девочки.

вставал, подходил к окну и наконец зажёг свет.

Проснулась мать и увидела, что по полу катается клубок шерсти, а Чубо сидит с очками на носу! Боже мой! Он вяжет что-то крючком бабушки Далбы!

Чубо вязал чулок, а получалось что-то похожее на рукав.

Мать уложила сына спать, и наутро у его подушки лежали два новеньких чулочка.

А в шляпе утром никого не оказалось. Гиочика сидела на земле возле травинки, которая выросла ночью.

— Это ты, Ионел? — говорила она.— А где Георгел? Разбуди его, ведь уже весна.

И Гиочика позвонила в колокольчик величиной с горошину.

И тут из земли показались зелёные шапочки. Это были Георгел, а за ним — Иле и Василе *.

Чубо хотел надеть Гиочике чулочки.

— Нет, нет! Я хожу босиком. Лучше сделай чулки птицам, они ведь тоже босые!

Вот теперь и выкручивайся! Птиц-то на свете многовато!

— Великан,— сказала Гиочика, оглядев Чубо с головы до ног.— Я бы тебе открыла тайну, если б твоё ухо не было так высоко.

Чубо поднял её и посадил на плечо.

— Тио, иго, у,— шепнула ему Гиочика.— Сегодня ночью явился кто-то ко мне и дул: у-у, фу-у.

Ах, вон оно что! Не зря, значит, слышались ночью шаги во дворе. И Чубо решил подстеречь того, кто приходил к Гиочике.

Наступил вечер, а за ним ночь. На улице заметно похолодало. И тут Чубо услышал — топ-топ,— кто-то подошёл к шляпе дедушки Далбу. Чубо выскочил во двор и увидел, что это ягнёнок. Он стоял, наклонившись к земле, и — у-у, фу-у — дул на Гиочику, чтобы она не замёрзла.

И Чубо приснился сон, что его ягнёнок запряжён в Большой Звёздный Воз *. Скрипят колёса Звёздного Воза, древние как этот мир. Еле-еле тащит его ягнёнок между звёздами.

— Куда ты тащишь Звёздный Воз?— крикнул ему Чубо.— Заблудишься, потеряешься в звёздах. Мир огромный, а ты маленький.

— Ищу луга зелёные,— ответил ягнёнок.— Привезу матери свежей травы.

Тут кто-то постучал в окно, и Чубо проснулся.

— Али, трали, и, а! Ты спишь Чубо? Вставай! Слышишь — журавли!

Вместе с Гиочикой Чубо, ещё сонный, поднялся на башню. Он весело бил в барабан, а Гиочика считала журавлей:

— Девять, десять и ещё один палец! И ещё один! Сколько их, Чубо?

А вот и аист показался вдалеке, и Чубо сыграл ему марш на барабане.

Прилетели ласточки, и Гиочике не хватало пальцев, чтобы их сосчитать.

Бил барабан на башне, и всё вокруг становилось зелёным. Вырос Ионел, вырос Георгел, Иле и Василе. Теперь они уже были Гиочике по пояс и могли держать на спине целого муравья.

А в деревне повторяли стихотворение, которое сочинила Гиочика:

Солнышко-Соареле **!
Не весна настала ли?
Птицы ли запели ли?
Звёзды потеплели ли?

НОВАЯ ДЫРЯВАЯ ШЛЯПА

Смешно было слушать, как отец Чубо беседовал с Гиочикой.

— Рассказать тебе про козу с козлятами? — спрашивал он её по-молдавски.

Девочка пожимала плечами.

---

* Ионел по-русски — Ванюша, Георгел — Георгий, Иле — Илья, а Василе — Василий.

* Созвездие Большой Медведицы в Молдавии называют Большой Звёздный Воз.

** Соареле — в переводе с молдавского «солнце».

Тогда отец по-русски:

— Рассказать про козу?

Гиочика только покачивала головой: не понимаю, добрый человек.

Но отец не сдавался:

— Гутен морген,— поворачивал он на немецкий лад.

Гиочика хлопала глазами.

Больше по-немецки отец ничего не знал и переходил на французский.

— Мерси! — говорил он.

Девочка молчала.

Отец, конечно, слыхал, что в Кишинёве есть знаменитые учёные, умные, бородатые.

— Как ни крути,— сказал он матери,— а надо её везти в Кишинёв. Там уж я узнаю, из какой она страны!

— Ты что, с ума сошёл? — сказала мать.— Возьмут её в музей! Бороды у тех учёных длинные, но всё равно они ни в чём не разберутся. Пошлют машину за Чубо, чтоб он им растолковал, что девочка говорит. А потом и его в музей возьмут! Или в цирк! А там львы, медведи! Ты об этом подумал?

— М-да-а-а,— протянул отец и почесал затылок.

На этом и кончился разговор о его поездке в столицу.

Специально для Гиочики отец сделал в двери дома ещё одну маленькую дверку, чтобы она могла войти. А к ведру с водой пристроил лесенку. Гиочика ничего не ела, а пить хотела всё время. Не могла же она пить из корытца вместе с курицей!

Сделали для неё и кроватку, и не где-нибудь в углу, а в каса-маре * у ковра с красными розами.

Но Гиочика ни за что не хотела спать в кровати. Она по-прежнему ложилась во дворе, в шляпе дедушки Далбу.

То мать, то отец выходили ночью посмотреть, как она спит. Нельзя же надеяться только на ягнёнка.

Мать связала для Гиочики одеяло, тёплое, шерстяное, с бахромой по краям.

Как-то утром Чубо подошёл к окну и увидел, что одеяло валяется на земле.

— Замёрзла! — напугался Чубо.

Он выбежал во двор и увидел, что Гиочика по-прежнему спит в шляпе, а вместо одеяла её накрыли две бабочки.

— Вот это одеяло! — сказала Гиочика, когда проснулась.— Красивое какое! Спасибо вам!

Бабочки сами немного замёрзли. Чтоб согреться, они быстро замахали крыльями.

— Постой! — крикнул Чубо и побежал за одной.

— А вдруг ты меня шляпой накроешь?

— Постой! — закричал Чубо.— Я в шляпе дырку сделаю. Если накрою — убежишь!

Он проткнул шляпу, и бабочка, увидев такое, остановилась.

— А куда ты летишь?

— Моё дело. Вы, люди, всё знать хотите! До свиданья! — И бабочка полетела дальше.

Гиочика засмеялась, когда увидела, что Чубо продырявил новую шляпу.

— Ай да бабочка! — говорила она.— Умная, ничего не скажешь!

А бабочка полетела к своим подружкам и рассказывала им, что у Чубо шляпа с такой вот дырой.

— Ура! — кричали бабочки-подружки.

Отец и мать услыхали этот крик, но им и в голову не приходило, что бабочки только что победили шляпу Чубо! Без боя!

Продолжение следует

Рис. Б. ДИОДОРОВА

* Каса-маре — самая лучшая, самая светлая, самая красивая комната в молдавском доме.

Здравствуй, наш весёлый, хороший Мурзилка!

Пишут тебе воспитанники Тимской школы-интерната. Мы все из народности ханты. Родители наши занимаются охотой и рыболовством. Зимой живём в интернате, а летом уезжаем домой в тайгу. Ходим с отцами на охоту. Умеем ловить рыбу, ставить капканы на лису, а наши девочки все до одной умеют скроить и сшить сак — хантыйское пальто. Все плетут красивые узоры из бисера. Живём мы дружно и учимся хорошо.

Это письмо мы пишем с нашей воспитательницей Марией Николаевной. Она сегодня рассказывала нам о союзной советской республике Молдавии. Мария Николаевна училась там в институте и много интересного знает о молдавских октябрятах.

Дорогой Мурзилка, мы очень хотим, чтобы ребята из разных республик ответили на наше письмо, рассказали, чем они занимаются, как играют, какие песни поют.

С огромным октябрятским приветом ребята из посёлка Тим.

Тюменская область, Сургутский район, школа-интернат

Солнышко. Рис. Жени РОМАНЕНКО, г. Киев.

посмеёмся вместе...

...с Алёшей СЕМАШКО, г. Нижний Тагил

Учитель спросил:

— Какие животные обитают в лесу?

— Хищные и добрые,— ответил Серёжа.

...с Альбертом МАРДЕЕВЫМ, г. Ижевск

Колю спросили:

— Из чего делают искусственный мёд?

— Из искусственных цветов,— ответил он.

...с Юрой РУЧЬЕВЫМ, г. Новгород

— Какая сказка тебе нравится? — спросила Таня Петю.

— «Волк и семеро ослят»,— ответил он.

посмеёмся вместе...

Дорогой Мурзилка!

Нас недавно приняли в пионеры, и появился у нас вожатый — это Саркис Михайлович Мнацаканян. Пятьдесят лет он вожатый одного и того же отряда. Вырастают одни ребята, им на смену приходят другие. Но и те, которые вырастают, по-прежнему считают себя членами нашего отряда. Когда наш отряд в мае выстроился в детском парке около обелиска Герою Советского Союза Н. Степаняну (он тоже был пионером нашего отряда), то строй был огромный.

Саркис Михайлович рассказывал нам о ребятах своего отряда, о том, как они сражались на фронте, как работают сейчас — кто близко, кто далеко. Как берегут дружбу всех наших советских народов.

г. Ереван, школа № 4, пионерский отряд имени Агаси Ханджяна

Жаль, не могу напечатать всех писем, которые пришли ко мне в эти дни. Но всё равно, пишите мне, друзья! Знаете, как приятно получать такие письма!

МУРЗИЛКА

Узбечка на ковре. Рис. Ксюши КАВУН

НАШЕМУ СОЮЗУ — 60!

Курбан ЧОЛИЕВ

ЛЕТО В ПУСТЫНЕ

Докрасна
Раскалились пески,
Горячи —
Хоть лепёшки пеки.

Ни травинки нигде.
Это — зной
Выжег их,
Нестерпимый и злой.

Обмелели
Ручьи и пруды,
Посерели
Сады без воды.

Изнывает,
Томится отара,
И чабан
Утомился от жара...

Но взгляни
На арбузы и дыни,
Разве плохо
Сейчас им в пустыне?

Ещё как хорошо,
Просто — рай:
Знай лежи себе
Да подрастай.

Необычно
В песках наших лето,
Но мне лично
И нравится это.

ДУТАР

Люблю,
Когда мой дед
Берёт дутар...
И ничего,
Что дедушка мой стар.

То вверх,
То вниз
Бегут по струнам руки,
А из-под пальцев
Льются в небо звуки.

Как их понять?
О чём поют они?
Какие дед мой
Вспоминает дни?..

Звучит дутар,
Печалится, смеётся,
И вижу я —
То ночь и степь,
То солнце
И выжженные зноем
Небеса,
А то вдруг слышу
Птичьи голоса,
И думаю,
Как деду я на нём
Сыграю что-нибудь
Одним прекрасным днём!

Перевёл с туркменского
Игорь МАЗНИН

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

ПЛЫВУТ, ПЛЫВУТ УТУШКИ

Мордовские народные песенки-потешки

ПОДУЙ, ВЕТЕРОК!

Ты подуй, подуй, ветерок,
В знойный день пошли холодок,
А когда с работы идём,
На закате, подуй теплом.

Ты подуй, подуй, ветерок,
Поутру причеши лесок,
В полдень в поле склони цветки
И собрать помоги валки.

ПОД ГОРОЙ ИЗБУШКА

Под горой избушка,
Там живёт старушка,
Там живёт старичок,
Три овечки и сверчок,
И смешная хрюшка.
Поросёнок,
И телёнок,
И пушистенький козлёнок,
И котёнок полосатый,
И ещё щенок лохматый,
Непоседа-петушок
И Ванюша-пастушок.
Тили-бом, били-бом,
Как мы весело живём!

УТУШКИ

Плывут, плывут утушки
По реке, по реке.
От нашего бережка
Вдалеке, вдалеке.
В камышах плывут —
Камыш не зашуршит,
По воде плывут —
Вода не задрожит.
Утушки-сестрицы,
Обе мастерицы.
Ткут они полотна
Тонкие, добротные,
Плетут они лапти,
Лапти на лапки.

Собрал А. Г. БОРИСОВ

Перевела и обработала Лена ГУЛЫГА

Рис. Г. МАКАВЕЕВОЙ

Дорогой октябрёнок! Письмо, которое мы печатаем сегодня, пришло, как и все другие, по почте. И так же, как другие письма, мы читали его вслух. Признаемся честно, поначалу некоторые из нас, взрослых, засомневались: «Неужели десять октябрят могут сделать так много?»
Но вот мы дочитали до конца, и на последней странице увидели приписку, сделанную взрослым почерком. Председатель Чорчанского сельсовета Г. Ломсадзе и секретарь Н. Маргвелашвили сообщали, что все эти цифры записаны в документах сельсовета, что октябрята — молодцы и колхоз гордится своими маленькими помощниками.
Не уступают сельским ребятам и городские. Об этом рассказывается в письме октябрят из Литвы.

БЫТЬ ХОЗЯЕВАМИ НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

На сборах звёздочек мы читаем страничку «Октябрята — бережливые ребята». Мы думаем, что главное для бережливых — беречь родную землю.

Мы живём вблизи южной границы. У нас в школе всего десять учеников, но все мы зорко следим, чтобы ни один незнакомый человек не прошёл через наше село незамеченным. Следить за безопасностью границы мы считаем своим священным долгом.

ОКТЯБРЯТА — БЕРЕЖЛИВЫЕ РЕБЯТА

Кроме этого, мы вместе со взрослыми трудимся в родном колхозе, хотим, чтобы он стал ещё богаче.

Когда прошлой весной на картофельных плантациях появились колорадские жуки, мы две недели ходили в поле, чтобы обезвредить незваного «гостя».

Затем собирали с колхозных угодий камни в неприступных для косарей местах. Собрали и сдали колхозу 6 тонн сена и полторы тонны кукурузной соломы.

Очень мы любим работу в саду. Больше 18 тонн фруктов — вот какой у нас урожай! Об этом мы хотим рассказать подробно. У нашего колхоза десятки гектаров фруктовых садов. Один из участков в размере 3 гектаров находится отдельно от других. Из года в год там получали очень низкий урожай. Мы взяли шефство над этим садом и собрали намного больше фруктов, чем прежде, и все фрукты спелые, вкусные, красивые. Мы, конечно, сами не управились бы со сбором фруктов, если бы с нами вместе не поработали наши старшие братья и сёстры и их товарищи, которые недавно окончили нашу школу.

Кроме колхозного сада, мы

Наш урожай. Рис. Эники КЕДРИСА, г. Вильнюс.

Школа. Рис. Нади ПЧЕЛЬНИКОВОЙ, Москва.

Мой папа-комбайнер. Рис. Артура БАТЫРОВА, Татарская АССР.

ухаживаем и за школьным, который посадили ещё наши папы и мамы, когда они здесь учились. Надо успеть выполнить свои задания и на опытном участке. Там растёт больше 100 видов и пород сельскохозяйственных культур. А сколько работы на зоологическом участке! Птицы, кролики, рыбы! В минувшем году мы сдали государству 120 килограммов кроличьего мяса и 1,3 тонны фруктов. Мы собираем семена пятидесяти, а то и больше культур и потом раздаём их другим школам. Вот как мы понимаем, что значит быть хозяевами своей земли.

Октябрята Чорчанской начальной школы Адигенского района Грузинской ССР Манана, Каха и Бесик Мосяшвили, Мамука и Лали Квижинадзе, Лела Ломсадзе, Мака Гогатишвили, Назиброла Ванишвили, Нона Мачарашвили и Нона Табатадзе

УКРАСИМ МИКРОРАЙОН

Пионеры нашей школы в прошлом году объявили поход «Нашему микрорайону Витуряй — образцовый порядок!». Нам, октябрятам, понравилось это.

Мы убираем подъезды, очищаем дворы от мусора. Иногда все вместе наводим порядок даже в подвалах. Осенью сажаем деревья, весной — цветы.

Однако есть и такие ученики, которые везде бросают мусор, иногда даже деревья ломают. Мы вместе с пионерами охраняем свои дома и территорию микрорайона. Если видим недисциплинированных ребят, то останавливаем их или сообщаем пионерам.

Дайва Шимкунайте, Даля Жукаускайте, Гинтаутас Дявялис, Раса Каружайте, ученики 3-го «А» класса утенской средней школы № 5 Литовской ССР

Прыжок со скалы

Ярослав ГОЛОВАНОВ

В Крыму, в курортном городке Гурзуфе, слева от пристани, если смотреть на море, есть под развалившейся, старой генуэзской крепостью маленький скалистый полуостров — место удивительно живописное, и художники постоянно тут работают, рисуют крохотный пляж и отвесную скалу, выдвинутую в море.

Для гурзуфских мальчишек прыжок с этой скалы — высота её метров десять — вопрос чести, непременное условие признания в гурзуфском мальчишеском обществе. В студенческие мои годы, когда я часто приезжал в Гурзуф, самым лучшим прыгуном считался Игорёк Плотицын, белобрысый, худой и вёрткий, как угорь. Дело было не в том, что он бесстрашно прыгал со скалы, прыгали многие, а в том, с какой непостижимой быстротой он выныривал. Едва войдя в воду, он прогибался дугой и тут же вылетал на поверхность, не погружаясь больше чем на полтора-два метра. Это был высший гурзуфский шик! Как же я завидовал тогда Игорю!

Всё это вспомнил я, когда стоял на смотровой террасе у скал Кебрады — так называют один из старых районов города Акапулько.

Если вы посмотрите на карту западного полушария, то увидите, что Мексика разделяет два океана: Атлантический на востоке и Тихий на западе. Вот как раз на западном побережье Мексики и лежит этот городок — Акапулько, едва ли не самый модный американский курорт.

В Акапулько, как правило, приезжают купаться, кататься на яхтах и водных лыжах, развлекаться или просто ничего не делать только богатые люди. У одних тут есть собственные дворцы на берегу, другие живут в гостиницах, в которых человеку даже со средним достатком жить не по карману. Я уж не говорю о бедных людях, обслуживающих всех этих туристов. В Мексике много безработных, а здесь, в Акапулько, где нет никакой промышленности, найти работу особенно трудно и труд человеческий стоит дёшево. Я хорошо помню: около нашего отеля всё вокруг было изрыто, копали канавы для трубопроводов. Но я не видел ни одного канавокопателя или экскаватора. Люди с лопатами — вот и вся механизация. Ведь десять человек с лопатами стоят дешевле, чем один маленький экскаватор.

Как и в Гурзуфе, мальчишки Акапулько роднятся со скалами чуть ли не с младенчества, и прыжки для них тоже важнейший вопрос мальчишеского престижа. Скалы тут разной высоты. Есть и метр, полтора, есть и трёх- и пятиметровые. Есть десяти и выше. Океан пробил в скалах Кебрады длинные узкие щели, в которых постоянно клокочет белая морская пена, а с обеих сторон поднимаются очень высокие, почти отвесные каменные стены. Вот на одной такой стене и отыскалась самая высокая площадка, с которой можно прыгать в воду. Она находилась на страшной высоте — 38 метров, это почти 10-этажный дом,— но в 1938 году в Акапулько нашёлся смелый мальчишка — звали его Роберто,— который решился прыгнуть с этой скалы. Прыжок увидели богатые туристы и в награду за смелость стали бросать мальчишке монеты. Тогда другие ребята сообразили, что так можно зарабатывать на жизнь, и превратились в прыгунов-профессионалов, которые прыгали уже только за деньги. Обычно ребята терпеливо ждали около ресторанчиков, а когда приезжали богатые туристы, хозяин ресторанчика предлагал им посмотреть невиданный прыжок. Разумеется, за плату, часть которой шла хозяину.

Очень трудно простому мексиканскому рыбаку дать образование своему сыну. Хорошо, если удастся ему окончить несколько классов школы. Ведь закона об обязательном среднем образовании, как у нас в Советском Союзе, в Мексике нет. А уж о том, чтобы отправить сына в институт или университет, и говорить нечего: вырос сын, и от него ждут помощи в семье, а не допол-

нительных расходов на учёбу. А тут как раз и получалось, что мальчишка начинал приносить домой деньги с малых лет. И ни за какую учёбу платить не надо: прыгать он сам научился. И думать о том, как и где завтра найти работу, ему тоже не надо. Прыгуны постепенно, год от года превращались в своеобразных артистов, которые прыгают теперь в точно назначенное время: один раз в час дня и два раза ночью, с горящими факелами в руках.

Один такой дневной прыжок я видел. Прыгал юноша по имени Франсиско. Он довольно долго стоял на маленькой площадке, разминался, молился, а когда в соседнем ресторанчике ударили в гонг — это означало, что сейчас ровно час дня,— он встал у самого края площадки, сильно оттолкнулся и прыгнул. Сначала он летел ласточкой, потом медленно начал клониться головой вниз и в воду вошёл точно, ровно, почти без брызг, как это делают только опытные спортсмены. Глубина под скалой не очень большая, всего метров шесть-семь, и Франсиско, как и мой гурзуфский друг Игорёк Плотицын, тоже умеет, едва войдя в воду, изгибаться дугой и быстро выныривать.

Но в Гурзуфе мальчишки прыгали, потому что они мальчишки. Прыгали просто из озорства, чтобы доказать себе и другим, какие они смелые. Наверное, они искренне удивились бы, если бы кто-нибудь предложил им за эти прыжки деньги. В Акапулько прыжки — это аттракцион. Зрелище. Трудная и опасная работа. И потому за неё платят большие деньги. Мне рассказали, что Франсиско, которого я видел, года два назад во время ночного прыжка с факелами в руках чуть-чуть не рассчитал и задел плечом за скалу. После этого он очень долго лежал в больнице. Прыжки опасны и тем, что от ударов о поверхность воды у прыгунов начинает болеть голова, слабеет зрение, а после 35 лет никто уже не может прыгать.

Прыгуны в Акапулько — люди очень уважаемые. Все понимают, что туристы едут сюда, чтобы увидеть эти прыжки, а чем больше приезжает туристов, тем больше смогут заработать владельцы гостиниц, ресторанов, сувенирных магазинов, короче — все, кто туристов обслуживает. Ведь нет ни одного туристического справочника или цветной рекламной программки, где рядом со словом «Акапулько» не было бы фотографии юноши, летящего ласточкой с высокой скалы в пенные волны Тихого океана.

Рис. В. ДУВИДОВА

Почему жучок ходит с опущенной головой

Эскимосская народная сказка

Пересказали Владимир ГЛОЦЕР и Геннадий СНЕГИРЁВ

Весной муха вылезла из своей землянки, расправила крылья, зажужжала и полетела в тундру звать жучков и букашек на праздник.

Пришли к мухе на праздник и козявка, и блоха, и жучок, и даже паук пришёл.

Муха воткнула в землю посох, положила рядом подарки и сказала:

— Кто из вас скорей всех пробежит вокруг этой горы и дотронется до моего посоха, получит подарок.

Первой ускакала блоха.

За ней побежала козявка.

За козявкой побежал паучок.

А за паучком пополз жучок.

Блоха быстро проскакала вокруг холмика и дотронулась до посоха.

За ней прибежала козявка и тоже до него дотронулась.

Следом за козявкой прибежал паучок.

Стоят они и дышат тяжело, не могут отдышаться от бега.

А жучка всё нет и нет.

Ждали его, ждали.

Наконец видят — ползёт жучок. Ноги у него подгибаются от усталости.

Дополз жучок до посоха, дотронулся лапкой.

— Ох и долго ты бежал вокруг горы! — говорит муха.— Мы тебя давно ждём.

Стала муха раздавать подарки.

Блохе она подарила свой посох. Ускакала блоха в тундру довольная. Обопрётся о посох — подпрыгнет, обопрётся — подпрыгнет!

Козявке подарила белую рубашку. Надела её козявка и тоже ушла в тундру довольная.

Паучку муха подарила ловчую сеть, чтобы мог он ловить комаров да мошек.

Дошла очередь до жучка.

— А для тебя,— сказала муха,— у меня ничего не осталось. Ты пришёл последним.

Горько стало жучку. Опустил он к земле головку и пошёл на согнутых ножках в свою землянку.

Так и ползает теперь жучок по тундре с опущенной головой и смотрит на свои ноги, всё думает: почему они так медленно ходят?

Записал Г. А. МЕНОВЩИКОВ

Чудак Пакайка

Чукотская народная сказка

Жил-был чудак Пакайка. Не было у него ни одного оленя.

Все чукчи за нерпами в море охотятся, оленей пасут, а Пакайка ходит по тундре и песни поёт.

Ходил Пакайка, ходил и надумал:

— Пойду-ка я к мышам и буду над ними хозяин!

Пришёл Пакайка в мышиное стойбище.

— Здравствуй, мышиный народ! — сказал Пакайка.— Теперь я ваш хозяин. Угощайте меня!

Засуетились мыши, забегали. Кто зёрнышко несёт, кто — корешок, кто — рыбку.

И так каждый день. Съедает Пакайка в один присест всё, что мыши за целый день принесут.

Говорит старая мышь мышатам:

— Бегите в тундру и наберите душистых кореньев!

Сварила старая мышь нерпу, перемешала нерпичье мясо с кореньями и подала Пакайке на большом деревянном блюде.

Наелся Пакайка и захрапел.

Прибежали тут маленькие мышата и принялись разрисовывать Пакайке лицо, как женщине.

По две полоски на щеках нарисовали, по две на носу и много-много чёрточек на подбородке.

Проснулся Пакайка, потянулся, захотелось ему пить.

Пошёл Пакайка к реке, глянул в воду — и увидел в воде красивую женщину.

На щеках у неё две полоски, на носу тоже две и много-много чёрточек на подбородке.

«Вот,— думает Пакайка,— и жена мне будет!»

— Вылезай! — говорит.

А женщина ничего не отвечает, только качает головой.

— Ах, тебе там холодно? Тебе тёплая одежда нужна? Вот тебе моя малахайка! Вот тебе моя кухлянка! Вот тебе мои торбаза!

Побросал всю одежду в воду, а женщина молчит, только головой качает.

— А, ты хочешь, чтобы я тебе помог вылезти? — сказал Пакайка и прыгнул в воду.

А вода-то ледяная, и никого в ней нет.

Выскочил Пакайка на берег. Посмотрел в воду, чтоб женщину отругать,— а из воды на него Пакайка глядит!

Догадался Пакайка, что мыши его разрисовали и вода всю краску смыла.

— Ну,— говорит,— сейчас я всех мышей за хвост переловлю!

А мыши сидят на кочках и смеются над Пакайкой.

Бросился чудак Пакайка ловить мышей.

Да разве всех мышей за хвост переловишь!

Записала О. Е. БАБОШИНА Рис. В. ДМИТРЮКА

ИСКОРКА

Виталий КОРЖИКОВ

Так ли это было на деле, в точности не знаю. Но говорят, что похоже.

Жила в Приуралье в семье кузнеца девочка Маша. Маленькая, тоненькая, но боевая, огневая. Не девочка — искорка. В школе — из первых, в снежки играть — первая, дома помогать — первая! Возьмётся пельмешки лепить — они из руки в руку перелетают. А на ледяной дорожке разгонится, мчится в валенках, румяная, как огонёк.

Подружки, бывало, говорят:

— Что валенки! Ты бы на коньках попробовала. Вон как другие летают, ветер свистит!

Тут Маша только плечами пожимала. Коньков-то у неё не было. Но приглядываться к конькам стала. Придёт, бывало, домой, уроки сделает, примется помогать по дому, пельмешки полепит, а сама нет-нет подойдёт к окошку, продышит в морозном стекле глазок и вместе с братом глядит, как там старшие на коньках корабликами разъезжают, фигуры выписывают. Смотрит, и по стеклу пальцем фигурку на коньках чертит.

Заметил это отец, задумался. Задержался вечер-другой на работе и как-то, войдя в дом, выложил на стол коньки. Странноватые, да настоящие! Железные!

— Катайтесь! Сам выковал!

Первым надел коньки брат. Прикрутил к валенкам, разогнался — и под гору, на лёд. Наездился, нападался, а сам всё катается. Маша за ним бегом, показывает: «Хватит, теперь моя очередь!» Закрепила коньки, поковыляла, поковыляла и покатилась. Все только смотрят, посмеиваются: «Коньки у неё какие-то странные».

А ей хоть бы что! Чуть только время свободное выпадет — за коньки и на лёд. То на каток, то на реку. И так навострилась, что только, бывало, ветер в ушах шумит, да искорки из-под коньков вылетают. Всех позади оставляет. А подружки и друзья смотрят вслед и говорят:

— Так у неё коньки особые!

Скоро случились в городе на стадионе большие соревнования. Всесоюзные. Народу собралось! Полетели вверх облака пара, заиграла музыка. Помчались по дорожкам спортсмены, а подружки говорят Маше:

— А ты чего не попробуешь? Беги! Всех приглашают!

А кое-кто отговаривает:

— Куда ей! Там только взрослые, да ещё самые-самые!

Хотела Маша удержаться, да только попробуй усидеть, когда в тебе какая-то искорка загорается, будто сама вперёд летит, наперегонки рвётся.

Вышла Маша со старшими рядом, как была ,в латаных валенках, на кованных отцом коньках, дождалась команды — и вперёд!

Не успела опомниться, запыхаться — ещё бежать хочется,— а дорожка уже кончилась. Слышит Маша, вдруг про неё что-то объявляют и кругом подружки толкуют:

— Машутка-то наша — четвёртая! Вон скольких взрослых обставила.

А кто-то опять говорит:

— Так у неё коньки особенные.

Тут судьи прислушались и говорят:

— Ну-ка покажи свои коньки.

Посмотрели на них и ахнули:

— Так это ты на таких коньках бегала? Они же полпуда весят.

А главный судья говорит:

— Молодец! Ай, молодец! Чем же тебя премировать?

А Маша руками развела:

— Валенками! Эти вон от коньков продырявились.

Рассмеялись вокруг, а судья говорит:

— Валенки валенками, а наградим мы тебя вот чем.— И протянул ей вместе с грамотой коньки, каких тут ещё ни у кого не было.

Взяла их Маша, посмотрела и улыбнулась:

— Так на таких летать можно!

— Ну и лети! Тренируйся и лети,— сказал судья.

И полетела. На следующих соревнованиях — первая. В Москве — лучшая. В какой город ни приедет — везде победит.

Стала Маша чемпионкой страны среди самых лучших.

Подумали тренеры, решили: «Пора и на мировое первенство ехать, честь страны защищать. Только одевать команду потеплей надо: на север всё-таки!»

Приехали наши в северную страну на мировой чемпионат, вышли в простеньких тулупах,

парок вверх летит. А вокруг по улицам ходят известные спортсмены в цветных костюмах, в свитерах, богатые туристы из Голландии, Швеции, Америки прохаживаются. Увидели наших и заохали, засмеялись:

— Это что за печки приехали? Дым от них идёт! Так, наверное, в шубах бежать будут!

Но недолго ахали. До беговой дорожки. А как сбросили наши «печки» свои шубы, помчались с ветерком, стройные, крепкие, а впереди всех — Маша. Самая горячая, самая боевая. Бегут шведки, бегут голландки. А Маша — впереди! А наша — впереди! Мимо всех с огоньком пролетела.

Вызвали её на пьедестал, заиграл наш гимн, захлопали зрители, и загорелась у неё на груди, рядом с советским гербом, чемпионская золотая медаль.

И на следующий год — ещё одна. А через год — снова! Трёхкратная чемпионка! Не бывало ещё такого!

Тут заохали заграничные дамы по-другому, зашептали:

— Наверное, эта советская Маша только и бегает, а ничего другого делать не умеет.

— Интересно, умеет ли она готовить?

Решили проверить. Пригласили Машу в гости, спрашивают:

— А что вы больше всего любите готовить? Может, приготовите?

— С удовольствием,— говорит. Закатала рукава, налепила на скорую руку пельмени, отварила, угощает: — Пробуйте!

Попробовали дамы один, другой пельмешек и ахнули—у всех будто в глазах вспыхнуло. Пельмени-то перчёные, с огоньком, вкусные.

Многие годы прошли с той поры, много коньков сменила, объездила Маша, вернее, не Маша, а уже Мария Григорьевна. И часто думала: «А где же мои те, первые, отцом кованные? Наверное, потерялись».

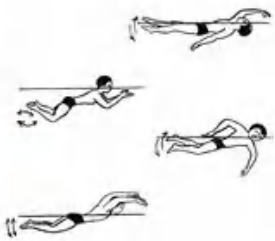
А приехала как-то к себе на родину, пошла прогуляться, зашла в музей и видит: на стенде её коньки! Те самые! А внизу подпись: «На этих коньках училась бегать трёхкратная чемпионка мира Мария Григорьевна Исакова». Лежат, отдыхают, будто ждут, когда же снова прозвучит «На старт!» и помчатся от них во все стороны снежные морозные искорки.

Рис. М. ПАНТЕЛЕЕВА

БЕГОМ ПО ВОДЕ!

Мария ИСАКОВА,
трёхкратная чемпионка мира по конькобежному спорту

Сейчас я прочитала рассказ Виталия Титовича Коржикова. Он правильно написал, так и было — папа работал кузнецом и сделал нам с братом те первые в моей жизни коньки.



...Было это более тридцати лет назад. Тогда, в феврале 1948 года, я стала чемпионкой мира по скоростному бегу на коньках. А через год — во второй раз, а ещё через год — в третий. И я бесконечно горда тем, что сумела подарить своей Родине первую в истории советского спорта медаль чемпиона мира.

Мне за спортивную жизнь много выпало трудных минут. Но и много выпало побед. Шесть раз я была абсолютной чемпионкой Советского Союза, двадцать три раза выигрывала малые золотые медали за победы на отдельных дистанциях.

Орден Ленина мне вручал Климент Ефремович Ворошилов. Этого никогда не забыть. Как не забыть и скромных, но дорогих мне медалей: «За доблестный труд», «За победу над фашистской Германией». Их я получила, когда работала в военном госпитале.

С этого номера и до самого Нового года мы будем с вами встречаться на страницах «Мурзилки». Есть время о многом потолковать, подумать...

Вы, конечно, ждёте от меня рассказов про конькобежный спорт. Но ведь сейчас лето. Так давайте поговорим о чём-нибудь более подходящем... о плавании, например. А о коньках попозже.

Что бы там ни говорили, а воды многие из вас побаиваются. И бабушки с мамами недаром, отпуская купаться, десять раз предупредят: «Смотри! Осторожней!»

Поэтому главное — страх «сухопутный» — надо преодолеть.

Давненько это было. Стою на берегу родной реки Вятки, мне лет десять. Май месяц, но ещё идут льдины. Кто-то предлагает: «А давайте на плоту!» Раз-два — готово, и мы отчаливаем...

Но минут через пять верёвки наши лопнули, брёвна раскатились. Летим в воду. Плавать я не умею!

Кто-то хватается за бревно... У меня одна мысль — к берегу. Сама не пойму, отчего я не испугалась. И сразу поплыла!

А надо сказать, я уже занималась и гимнастикой, и лёгкой атлетикой. Это, кстати, важно знать начинающим пловцам и пловчихам: все виды спорта связаны, все они «из одной семьи».

И ещё в ту очень страшную для себя минуту я вдруг вспомнила слова нашего учителя: «Как двигаешься на суше, так надо и в воде». А ведь действительно так! Руки не болтыхаются где попало, а строго, как при беге, идут вдоль тела — вперёд, вперёд. Ноги ритмично сгибаются и разгибаются. Я это долго рассказываю, а сообразила всё за четверть секунды. И чувствую — плыву!

Нет, я вам, конечно, не советую так «учиться» плаванию. Попробуем по-другому.

Первое. Не забывайте, что на суше, что в воде, движения должны быть как бы едины в своей природной простоте, естественности. Тогда и река не страшна — как не страшны каток или футбольное поле.

Природная простота движений... Иногда мне кажется, что, если б человек хорошо и правильно всё продумал в своих движениях, он бы и взлететь сумел, честное слово!

Впрочем, летать — оставим уж это птицам... Однако плавать-то уметь мы должны непременно!

Вы только оглянитесь, какая у нас страна — просторная, озёрная! И тот, мне кажется, ещё по-настоящему не родился, кто не умеет проплыть метров сто, кто не умеет без отдыха пройти на лыжах пять-десять километров.

Второе. Не учитесь плавать сами, без совета и наблюдения старшего, опытного пловца.

Третье. Не трусьте.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. АЛЕКСАНДРОВА,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Т. АНДРОСЕНКО,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
Ю. КАЗАКОВ,
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела художественного оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический редактор
Г. БЕЛОВА

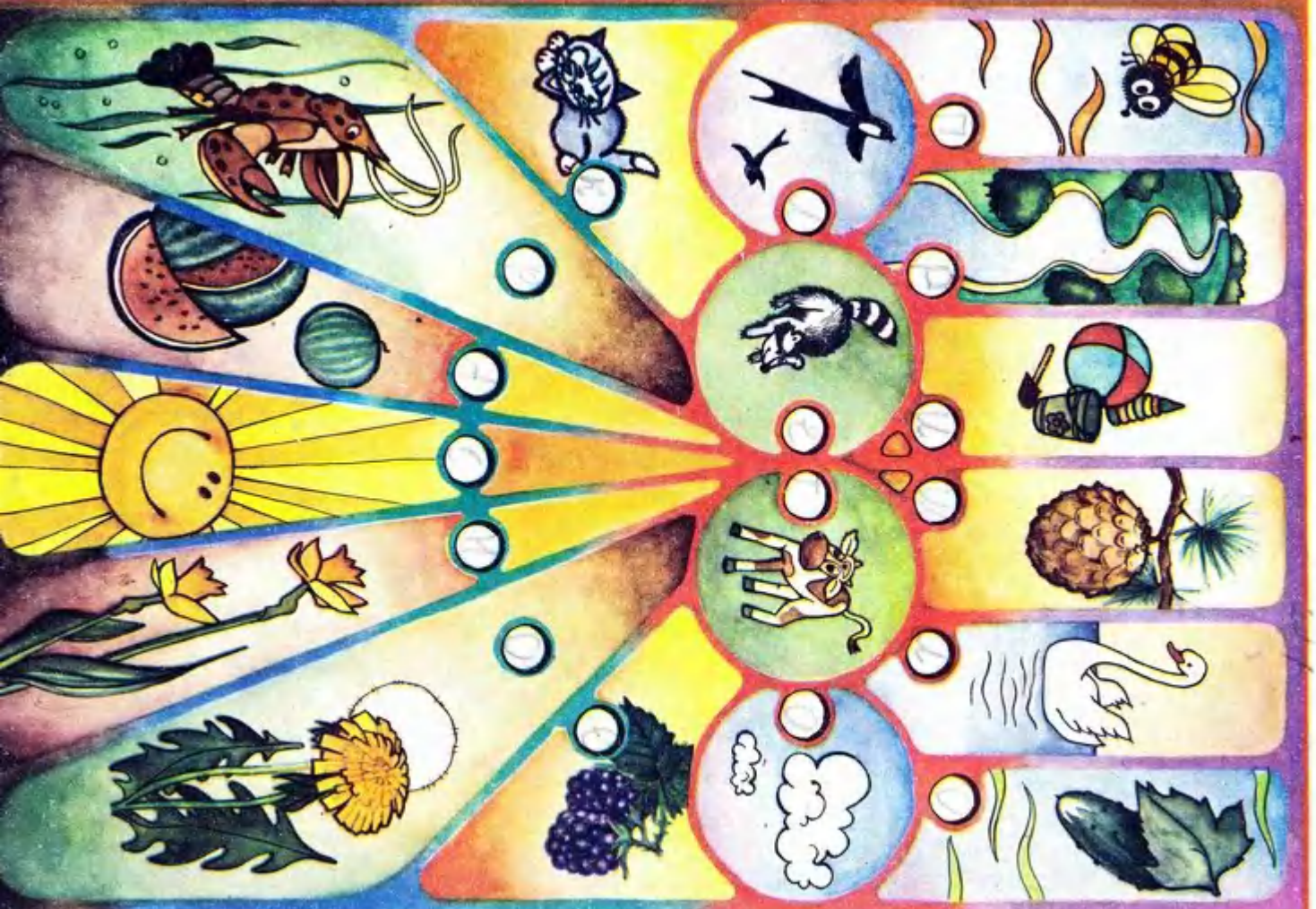
Сдано в набор 13.04.82.
Подписано в печать 04.05.82.
Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная.
Услови. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 6 000 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 457.
Адрес редакции журнала «Мурзилка»: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефон 285-16-81

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Макет
Н. ХОЛЕНДРО

Рисунок на обложке
Г. МАКАВЕЕВОЙ

Назови, что нарисовано на этих картинках, и первые буквы поставь в кружочки. Что получилось?



Индекс 70553 ISSN 0132—1943

Рис. И. КРАВЧЕНКО

Цена 15 коп.